

За три месяца с момента попадания в этот мир Сюй Шуанцы успел неплохо окрепнуть. Сытная еда и постоянные вылазки в лес вместе с Цингом ради сбора травы и плодов укрепили его прежде слабое тело.

Поэтому за ночь болезнь отступила, и к нему вернулись силы.

Дверь пещеры была плотно закрыта, отсекая зимнюю стужу, а внутри уютно трещал яркий очаг.

Едва открыв глаза, Сюй Шуанцы ощутил спиной и щекой ласковое, живое тепло мягкого меха, и губы его невольно тронула улыбка.

— Цин... — тихо прошептал он, запустив пальцы в густую шерсть на груди тигра. Под мягким ворсом перекачивались тугие, литые мышцы.

«Хм, а ведь на ощупь точь-и-точь как тот красавец из вчерашнего сна...»

Серебряный Тигр опустил массивную голову.

Субоборотень больше не выглядел умирающим: на бледных щеках заиграл здоровый румянец, а взгляд прояснился.

Цин скользнул взором по тонкой кисти, покоившейся у него на груди.

На фоне белоснежной шерсти изящное запястье казалось беломраморным, но ярко-красный след, оставленный жестокими путами, въедался в глаза уродливым пятном.

Тигр прищурился. Затем мягкой, но тяжелой подушечкой лапы аккуратно прижал руку юноши и отвел её вверх, за голову.

— Эй! Большой Кот?

Запястье обдало влажным, шершавым жаром — тигр принялся заботливо вылизывать поврежденную кожу.

— Перестань, щекотно же!.. — со смехом пробормотал юноша, пытаясь уклониться и зарываясь лицом в пушистое подбрюшье.

Цин убрал язык и накрыл спину Сюй Шуанцы огромной лапой. Всего одна его лапа без труда закрывала хрупкое тело юноши целиком.

В золотистых глазах тигра мелькнул ледяной сполох.

Он заставит тех двух волков заплатить сполна.

Завтракать Сюй Шуанцы пришлось прямо в постели, не вылезая из объятий зверя.

Густой наваристый бульон из костей со Сладким Корнем и капелькой воды Соляного Источника вышел на удивление аппетитным. Вроде бы простейшая стряпня, но на вкус — истинное объедение, от которого пальчики оближешь.

Насытившись, юноша снова оказался прижат к мягкому тигриному брюху.

Зима тянулась бесконечно, и Цин редко бывал столь ласков, так что Сюй Шуанцы с превеликим удовольствием остался в теплом лежбище, с увлечением поглаживая огромного кота.

Впрочем, слишком уж вольничать он не смел: потрогает бархатную подушечку на лапе — и тут же украдкой поглядит на хищника, проверяя его реакцию.

Глаза субоборотня сияли ярко, точно звёзды в бездонном ночном небе. Цин вздохнул и, положив тяжелую лапу юноше на макушку, мягко уткнул его обратно в густой мех.

Длинный гибкий хвост обвил лодыжку Сюй Шуанцы, точно прочная живая цепь.

«Отныне, — твердо решил Цин, — куда бы я ни пошел, буду брать его с собой».

Субоборотни слишком хрупки: им вреден и холод, и любые раны.

Чуть недосмотришь — и они умирают.

Если бы Цин не вернулся в тот день раньше обычного, сейчас ему, скорее всего, пришлось бы рыть мерзлую землю, выкапывая могилу.

От одной этой мысли в груди тигра закипало глухое, мрачное раздражение.

Лежать без дела Сюй Шуанцы быстро наскучило. Он осторожно погладил шерсть на груди тигра и тихо спросил:

— А что случилось с теми двумя волками?

— Сбежали, — коротко отрезал Цин.

Задавая вопрос, юноша приподнял голову, отодвинувшись от груди хищника.

Тигр с немym вздохом накрыл его лопатки лапой и снова прижал к себе.

— М-м... — Сюй Шуанцы сладко зажмурился, с головой утонув в пушистом тепле.

— Кстати, я слышал, как те волки разговаривали, — вновь заговорил юноша.

— Все оборотни умеют говорить, — ответил Цин.

Сюй Шуанцы потерся подбородком о мех и изумленно округлил глаза:

— То есть у всех зверей в этом мире один общий язык?

«И между разными видами вообще нет языкового барьера?»

— Да, — кивнул тигр.

— Они ведь утащили кучу припасов... Нам хватит оставшегося до конца зимы?

Цин шершавым языком прошёлся по его лбу:

— Голодать не будем.

«Не будем голодать» означало, что сам он как-нибудь перебьется.

Сюй Шуанцы прекрасно знал, сколько добычи Цин приносил с охоты в последнее время — улов едва ли был обильным. А грабители унесли добрую треть всех запасов.

Мрачные мысли отразились у него на лице, брови обеспокоенно сдвинулись.

— А если всё-таки не хватит?

— Ты ешь мало.

— Да я-то выживу, даже если буду доедать за тобой крохи! Но вот тебе самому точно не хватит...

В пещере царило благодатное тепло, на очаге неторопливо булькал каменный котелок с наваристым бульоном.

На пышной подстилке из сухой травы и плотных шкур полулежал огромный Серебряный Тигр, бережно укрывая собою юношу.

Сверху на зверя была накинута золотистая шкура.

Не приглядевшись, никто и не заметил бы черноволосого юношу, уютно свернувшегося у него под брюхом.

В очаге тихо трещали поленья.

Успокаивающий запах горячей древесины навевал умиротворение.

Цин вполголоса отзывался на неторопливую болтовню Сюй Шуанцы. Постепенно тихий голос юноши стал совсем тихим, сонным и тягучим.

Тигр уткнулся влажным носом в его лоб.

Посмотрев на человека, уткнувшегося лицом в мех, Цин легко лизнул его открытую белоснежную щеку.

Кожа на ощупь оказалась невероятно нежной и мягкой — куда приятнее любого мяса, что ему доводилось пробовать.

До конца зимы Цин больше не намеревался оставлять пещеру без присмотра. А до тех двух серых разбойников он еще обязательно доберется — всему свое время.

Спустя три дня восстановления Сюй Шуанцы наконец-то смог подняться с постели, и гибкий тигриный хвост не стал привычно обхватывать его за талию, утягивая обратно в лежбище.

Он полностью оправился от недуга, исполнившись бодрости и сил.

Вот только когда юноша после долгих поисков обнаружил под шкурами свою изорванную в клочья пижаму, у него на мгновение дар речи пропал.

В ту секунду, когда Сюй Шуанцы поднял лоскуты ткани, Цин демонстративно отвернул массивную голову, делая вид, что крайне увлечен разглядыванием стены.

Глядя на эту виноватую морду, Сюй Шуанцы не удержался и сдавленно заходил ходуном от

смеха.

Ругать зверя было бессмысленно. Юноше не оставалось ничего другого, кроме как выстирать разрозненные куски хлопковой ткани в горячей воде, просушить их у огня, а затем, скрутив из шерсти прочные нити, аккуратно заштопать одежду.

Ведь это был его единственный комплект из чистого хлопка.

Выбросить его не поднималась рука.

По меркам оборотней Сюй Шуанцы был неописуемо хорош собой.

От него веяло мягкостью и кротостью, в нем не ощущалось ни капли угрозы. А его глаза, по форме напоминавшие лепестки персика, казались всегда чуть влажными, точно весеннее озеро, по глади которого от одного лишь взгляда пробегает трепетная зыбь.

Сейчас юноша сидел у огня, сосредоточенно продевая нить в костяную иглу.

Окутанный теплым золотистым светом, он излучал редкое умиротворение и уют.

Цин лежал подле него, уложив тяжелую голову на лапы так, что его морда находилась аккурат на уровне коленей Сюй Шуанцы, восседавшего на пеньке.

Такой человек не мог не притягивать взор.

Цину довелось видеть немало субоборотней, но подобного ему — ни единого.

И теперь тигру всё меньше хотелось возвращать юношу в его родное племя.

Огромная пушистая голова покоилась у самого колена, так что Сюй Шуанцы достаточно было протянуть руку, чтобы прикоснуться к мягкой шерсти.

То ли из-за недавней болезни, то ли по иной причине, но Цин стал относиться к нему куда ласковее, чем прежде.

Гладить его разрешалось — тигр больше не уворачивался, разве что награждал юношу строгим взглядом. Впрочем, трогать хвост по-прежнему табу, да и слишком долго мять шкуру тоже не стоило.

Но Сюй Шуанцы был неприхотлив.

Раз позволяют гладить — уже счастье.

Закончив штопку, он переоделся в обновку и принялся доплетать плетеный столик из лозы, работу над которым пришлось отложить.

За три дня отдыха Сюй Шуанцы набрался сил и прямо-таки фонтанировал энергией.

Цин не перечил ему, а просто мирно дремал рядом. Однако тишина длилась недолго: юноша начал расспрашивать его об обходе территории, и тигр неохотно ронял скудные ответы.

— На юге тоже выпал снег, но не такой сильный, как у нас.

— Не переселяемся туда, потому что здесь спокойнее. Никакие чужие оборотни не досаждают.

— В этих краях водятся не только волки, но и слоны, пантеры, лисы... Все они знают звериную речь, только я с ними почти не общаюсь...

И всё в таком духе.

Сюй Шуанцы был разговорчив. Прежде, в своем прежнем мире, живя в одиночестве, без друзей и близких коллег, он привык разговаривать сам с собой.

Эта привычка осталась с ним и после трансмиграции.

Вот только теперь, когда рядом появился Цин, монолог юноши превратился в неумолчный поток слов, адресованный тигру.

Так что Цину не показалось: человек и вправду был болтлив.

Он просто до смерти боялся одиночества и пытался заглушить этот страх бесконечными разговорами.

Сплета столик до половины, Сюй Шуанцы почувствовал, как заурчало в животе. Навар в котле ему за эти дни порядком приелся, так что остатки супа он без сожаления отдал Цину.

Самому же захотелось приготовить что-нибудь по-настоящему аппетитное и сочное.

Юноша поднялся, намереваясь сходить в кладовую за продуктами, но едва сделал пару шагов

мимо тигра, как тот ловко обвил его талию хвостом.

Тигриный хвост толщиной не уступал мужской руке — одной ладонью и не охватишь.

Ощувив эту тяжесть на пояснице, Сюй Шуанцы невольно остановился.

— Ты куда? — спросил Цин.

— За мясом.

Хвост настойчиво потянул юношу назад, и тому пришлось отступить обратно.

Тигр лениво приоткрыл один глаз:

— Сколько принести?

— Чтобы хватило нам обоим. Ещё возьми рыбу, пряные травы для приправы и зелень...

Цин освободил его из плена, неторопливо поднялся на лапы и, покачивая хвостом из стороны в сторону, направился к выходу.

Зацепив тяжелую створку когтями, он выскользнул наружу. На мгновение в пещеру ворвался ледяной сквозняк, заставив Сюй Шуанцы вздрогнуть.

Юноша достал давно не использовавшийся плоский камень для жарки и тщательно вымыл его. Раскалив каменную плиту над огнем, он первым делом нарезал жирные куски мяса, чтобы вытопить жир.

Когда Цин вернулся с припасами, Сюй Шуанцы принялся промывать всё в каменном чане с водой.

Продуктов было много, и мыть их оказалось неудобно.

— Цин, если у тебя будет свободная минутка, не мог бы ты выдолбить еще пару деревянных тазов?

— Когти нужны не для этого, — буркнул тигр.

— Ну ты же раньше делал! Помоги, а? Выдолбишь — я тебе рыбу поджарю.

Не успело эхо его слов утихнуть, как Цин уже шагнул к куче брёвен, сложенных у каменной стены.

Сюй Шуанцы лишь улыбнулся уголкам губ и торопливо ополоснул зелень в остывающей воде.

Растений, которые они собирали вместе с Цином, было не так уж много. За прошедшие месяцы чаще всего на их столе появлялась сочная зелень, окрашивавшая бульон в насыщенный изумрудный цвет, — Зеленоухая Трава.

Она росла круглый год, хотя зимой достать её было непросто: приходилось разгребать сугробы.

Глянцевые, маслянисто-зеленые листья размером с детскую ладонь напоминали аккуратные круглые ушки. На ощупь они были плотными, а при варке быстро размягчались, становясь нежными и скользкими.

Их можно было есть и сырыми — на вкус они отдавали легкой сладостью.

Второй частой находкой являлась Желтовершинная Трава, предпочитавшая сырые, темные места.

Осенью её стебли сплошным ковром покрывали прелый слой опавшей листвы. Чем-то похожие на миниатюрные бамбуковые побеги, эти нежно-желтые ростки толщиной с палец приятно хрустели на зубах и отличались освежающим сладковатым вкусом.

И снова сладость!

Почти все съедобные растения, показанные Цином, имели сладковатый привкус. Похоже, здешнее зверье души не чаяло в сладостях.

Помимо этих двух основных видов, Цин принес и пряностей.

Среди них находилась Острая Трава, придававшая блюдам жгучую пикантность, кисловатые Плоды Кислой Лозы и Жёлтый Корень, который выглядел точь-и-точь как имбирь, но превосходил его размерами в несколько раз.

Тщательно промыв приправы, Сюй Шуанцы растер их в каменной ступке до состояния однородной кашицы.

Затем он нарезал мясо ломтями: крупные куски предназначил тигру, а те, что поменьше, оставил себе.

Цин уже подобрал подходящую чурку и теперь усердно выскребал древесину когтями, издавая размеренное «хрусь-хрусь».

Сюй Шуанцы в прекрасном расположении духа выкладывал мясо на раскаленный камень и приправлял специями. Когда на шкворчащие ломтики легла мелкая белоснежная соль, по пещере прокатился головокружительный аромат.

Обжаривая мясо, юноша пробовал кусочки прямо с пылу с жару. Для Цина он приготовил сочный ломтик величиной с ладонь, щедро сдобрил его специями, завернул в лист Зеленоухой Травы и протянул прямо к морде зверя.

Тигр подозрительно уставился на ярко-зеленый сверток, не шевелясь.

— Попробуй, это правда очень вкусно! — Сюй Шуанцы лучезарно улыбнулся.

Цин послушно раскрыл пасть, а его хвост принялся ритмично похлопывать по земле. По мере того как он прожёвывал угощение, кончик хвоста взмыл вверх и удовлетворенно заходил из стороны в сторону.

Ласково треснув тигра по пушистой макушке, юноша со смехом вернулся к жаровне.

Мало кто способен устоять перед ароматом сочного жареного мяса.

Имея под рукой такой выбор приправ, Сюй Шуанцы легко смешал кисло-острый и сладко-острый соусы.

Поедать жареное мясо, запивая его прохладным ягодным соком, разведенным из густого варенья, оказалось истинным наслаждением. Даже Цин не выдержал: забросив чурбан, он уселся подле юноши.

Ел Сюй Шуанцы немного, поэтому, утолив голод, целиком посвятил себя кормлению зверя.

Он поджарил для него аппетитную рыбу и нарезал остальное мясо удобными порциями.

Застолье затянулось с полудня до самого вечера.

Цин, сытый по горло, развалился на подстилке и сыто срыгнул, а затем удовлетворенно зажмурился. Глядя на эту разнеженную тушу, Сюй Шуанцы с улыбкой привалился к его боку.

Тигр облизнулся, обнял юношу широкой лапой и заурчал, словно огромный кузнечный мех.

Сюй Шуанцы сладко зевнул и зарылся носом в мягкий мех у него на груди.

Вот это — настоящая жизнь.

<http://bllate.org/book/20124/1992998>